

Меня зовут Ли Тайпин.

Младшая дочь нынешнего императора.

История династии Тан свернула не туда у ворот Сюаньфу.

Ли Цзяньчэн убил Ли Шиминя, Ли Юань отрёкся от престола, и началась эра Цяньдэ.

«Золотой век Чжэньгуань» превратился в «мирные годы Цяньдэ» — реки очистились, моря успокоились, и Поднебесная наслаждалась покоем.

А когда престол занял мой отец, Ли Чэнцзун, младший сын Ли Цзяньчэна, история снова странным образом свернула — теперь обратно.

В эпоху Цяньдэ старшие принцы, подражая отцам, устроили междоусобицу. Ли Цзяньчэн, устав от распрей, просто назначил наследником младшего сына от главной жены.

На двадцать пятом году Цяньдэ император скончался. Восемнадцатилетний наследник при поддержке матери, императрицы Чжэн, и старого министра Вэй Чжэна взошёл на трон.

Там же он встретил новую наложницу — госпожу У.

Потом, тайком, молодой император привёл её во дворец. Год спустя родилась моя сестра — посмертно наречённая принцессой Лэань. Вдовствующая императрица объявила её недоношенной и отдала на воспитание императрице.

Какой была та императрица, я не помню. Ко времени моего рождения её уже не было в живых.

Я лишь слышала, сестра с детства была хила, а в шесть лет и вовсе умерла.

Она умерла как раз тогда, когда отношения между императором и императрицей стали особенно холодными. Император даже велел войскам окружить покои супруги.

Позже императрицу низложили, мою мать возвели в ранг Чжаои, а вдовствующая императрица забрала к себе моего старшего брата Ли Ю, сына низложенной императрицы.

Потом вдовствующая императрица скончалась, Ли Ю обвинили в буйном поведении и непочтительности во время траура, лишили титула и отправили в удел — князем Бохай.

Князь Бохай Ли Ю умер по дороге.

Затем один за другим скончались мой третий брат Ли Чжо и пятый брат Ли Цянь.

Всего у отца было восемь детей, доживших до совершеннолетия.

К тому времени, как я начала что-то помнить, в живых оставались лишь мой родной старший брат, второй принц и наследник престола Ли Шэн; четвёртый принц, уже отбывший в свой удел князь У Ли Бинь; мой родной второй брат, шестой принц, князь Дай Ли Жуй, прозванный Чжину; и я, младшая дочь, принцесса Чанлэ Ли Тайпин, прозванная Сыцзы.

Не знаю, была ли моя мать той самой У Цзэтянь из летописей. Историки редко записывают женские имена. Знаю только, что мать звали Цинян, а отец в шутку величал её Мэймэй или Мэйнян — обычное в те времена ласковое прозвище для милovidных жён, но никак не имя.

Так или иначе, я росла в императорской семье в мирные времена. У меня были добрый и великодушный отец со вторым братом, строгая, но заботливая мать и живой, смыслённый шестой брат. Как младшее дитя, я купалась в любви.

— Сыцзы! — таинственно окликнул меня шестой брат на перемене между уроками.

Из отцовских детей в столице жили только трое. Старший брат, наследник, обзавёлся своими наставниками и обитал в Восточном дворце, так что с нами не учился. Шестому брату было скучно в одиночестве, и он всучил меня в ученицы — для компании. Говорят, отец хотел пригласить детей из знатных семей, но те должны были учиться в первую очередь с наследником, так что пока что компанию друг другу составляли только мы с шестым братом.

— Чжину! — отозвалась я, и он шлёпнул меня по макушке. — Без почтения!

— Вчера Чуньтао так тебя назвала, и ты не рассердился, — возразила я.

Он покраснел:

— Это другое дело. Зови меня «старший брат». — И, словно вор, огляделся:

— И о Чуньтао — ни слова! Матушка узнает — рассердится.

Я скорчила рожу. В конце концов, я прожила две жизни, и мне уже под тридцать. Его детские пашни мне perfectly ясны. Чего тут скрывать? Малышка, ещё и краснеет.

— Ли Сыцзы! — Ли Жуй, заметив, что я витаю в облаках, повернул моё лицо к себе. — Ты хочешь на прогулку или нет? Не хочешь — продолжай в том же духе.

Ах, да! Шестому брату уже стукнуло пятнадцать, и ему дозволили выходить из дворца. Вчера мы сговорились: он берёт меня с собой, а я покрываю его историю с Чуньтао.

— Старший брат! — мгновенно сменила я тон, подобострастно улыбнулась, обвила его шею рукой и чмокнула в щёку.

Ли Жуй с отвращением отстранился:

— Какой неприличный вид!

Я показала ему язык и радостно убежала.

После полудня были занятия у Вэй Шулиня и Сюй Цзинцзуна.

Вэй Шулинь, сын Вэй Чжэна, унаследовал отцовскую прямолинейность — до бестактности. Но почему-то и отец, и мать его очень жаловали и доверяли ему. Пропускать его уроки мы не смели.

Сюй Цзинцзун был куда милее — добродушный старичок, объяснял занимательно. Но даже его красноречие не могло пересилить наше желание выбраться за стены. Решили — сбежим с его урока.

В предвкушении мы отсидели нравоучительную лекцию Вэй Шулиня. Ли Жуй так и ёрзал на месте, за что и был наказан — простоял весь урок. Я злорадствовала, а он, кривляясь, показывал мне язык.

Едва Вэй Шулинь удалился, мы под изумлёнными взглядами евнухов и служанок важно проследовали в покои Ли Жуя.

Мы оба жили в боковых павильонах, и наши комнаты были смежными.

Ли Жуй переоделся в пурпурный халат с белой подкладкой. Он как раз тянулся вверх, и рост его менялся не по дням, а по часам. Старая одежда из гардеробной ещё не была убрана, а уже пора было шить новую.

Чем я и воспользовалась.

Надела его старые вещи.

В двенадцать лет он был не выше меня нынешней, так что одежда пришлась впору. Я выбрала светло-алый халат, под него — тоже белое. Ли Жуй носил головной убор, но мне, по малолетству, он не полагался, так что я просто заколола волосы его шпилькой. Благо, в моём возрасте пол ещё не бросался в глаза.

— Шестой брат, — важно поклонилась я ему.

Он, смеясь, ответил поклоном:

— Седьмой брат.

Мы, хихикая, выскочили.

Но едва переступили порог покоев, Ли Жуй тут же напустил на себя серьёзность. Его юные евнухи, Ян Дэцай и Ван Юаньци, тоже выпрямились и чинно произнесли:

— Седьмой брат.

Пройдя ворота Чжаоцин, мы обросли целой свитой.

Окинув взглядом вереницу слуг, я подозвала Ли Жуя:

— Шестой брат, не слишком ли мы... заметны?

— А вот если бы мы вышли без свиты, это было бы ещё заметнее, — отмахнулся он. — Не беспокойся, они будут следовать поодаль. С нами будет лишь несколько телохранителей — вполне достаточно. Да и покупки кто-то должен нести.

Как же приятно принадлежать к праздному правящему классу!

Я сладко помечтала.

Но лишь за воротами дворца я поняла, что значит «несколько телохранителей».

Куда ни глянь — нас окружало не меньше сотни гвардейцев Цяньню.

— Шестой брат, — позвала я Ли Жуя, — мы... мы правда идём гулять, а не, скажем, на парад?

— Ага, — отозвался он, оглядываясь по сторонам.

— Народу многовато.

— Много? Когда наследник выезжает, их ещё больше.

— ...

После моих яростных протестов свиту сократили до десяти человек.

И мы неспешно зашагали по улицам средневекового Чанъаня.

Людское море кипело, толпа теснилась, а по многолюдству город не уступал будущим Шанхаю или Пекину.

На улицах толпились иностранцы всех оттенков кожи и черт лица, в прозрачных или откровенно полупрозрачных нарядах.

А местные жители ничуть не уступали в поддержании престижа великой державы — по крайней мере, в степени откровенности костюмов они далеко обогнали потомков.

Ли Жуй уже забыл и думать о Чуньтао из матушкиных покоев и, расплывшись в улыбке, глазел девиц в лёгких одеяниях, то и дело оборачиваясь ко мне:

— Сыцзы, глянь-ка на ту! Какая талия!

Я взглянула. Да, талия тонкая, а грудь пышная. Но вот та, рядом, — ещё лучше. Хотя грудь и поменьше... Ой, да это мужчина! На нём три слоя шёлка, но сквозь них угадываются очертания мышц на талии.

Ли Жуй шлёпнул меня по макушке и гневно прошипел:

— Куда уставилась?! Не смей больше глазеть!

Эй, тебе можно — на красавиц, а мне — на красавцев нельзя?

Мы же не в ханжеские Мин или Цин!

Наша тётка, принцесса Цинхэ, собрала в своих покоях сотню красавцев со всех сторон света и частенько выставляла их напоказ, словно в зверинце.

Другая тётка, принцесса Синъань, обожала устраивать вольные собрания. В прошлый раз, когда дело зашло слишком далеко, отец вызвал её для внушения — но не за сам факт оргии, а за то, что она похитила отпрыска знатного рода.

Выходит, простолюдинов похищать можно.

Может, и мне стоит заранее кого-нибудь прикарманить?

Ли Жуй, к счастью, не читал моих мыслей — иначе он бы тут же запаковал меня и отправил обратно во дворец, покончив с прогулками раз и навсегда.

Увидев, что я всё ещё пялюсь на того мужчину, он с раздражением закрыл мне глаза ладонью.